

Уголовный процесс

УДК 343.148

doi: 10.35750/2071-8284-2020-4-132-141

Сергей Борисович Россинский

доктор юридических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-3862-3188, s.rossinskiy@gmail.com

Московский государственный юридический университет

им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Эксперт – научный судья: возвращаемся к обсуждению позабытой проблемы

Аннотация: Настоящей статьёй автор продолжает цикл публикаций, посвящённых проблемам доказывания в досудебном производстве по уголовному делу. В статье рассматривается один из наиболее дискуссионных процессуальных способов установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела – судебная экспертиза.

Обращается внимание на достаточно серьёзные процессуальные возможности эксперта, напоминающие не столько права участников уголовного судопроизводства, предусмотренных гл. 8 УПК РФ, сколько юрисдикционные полномочия органов предварительного расследования и суда. Автор полагает, что предоставленная эксперту возможность оценивать фактическую доброкачественность объектов исследования и их совокупную достаточность для формулирования определённых выводов уподобляет его научному судье.

Автор подробно исследует причины, побудившие учёных в своё время отказаться от идей об эксперте как о научном судье, и приходит к выводу об их ошибочности и надуманности. Это позволяет задуматься об изменении доктринальных и законодательных подходов к роли эксперта как субъекта доказывания в уголовном судопроизводстве, а именно, о перспективах наделения его полномочиями по установлению отдельных фактических обстоятельств путём использования специальных знаний.

Одновременно обращается внимание, что предлагаемые новации неизбежно потребуют принципиально иных подходов к подготовке судебных экспертов, к их обучению и воспитанию как высокопрофессиональных субъектов, обладающих надлежащим уровнем правосознания, правопонимания и ответственности за результаты проводимых исследований и формулируемые выводы.

Ключевые слова: заключение эксперта, собирание доказательств, специальные знания, судебная экспертиза, уголовно-процессуальное доказывание, эксперт.

Для цитирования: Россинский С. Б. Эксперт – научный судья: возвращаемся к обсуждению позабытой проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4 (88). – С. 132–141; doi: 10.35750/2071-8284-2020-4-132-141.

Sergey B. Rossinskiy

Dr.Sci. (Law), Professor

ORCID: 0000-0002-3862-3188, s.rossinskiy@gmail.com

Moscow State Kutafin Law University (MSLA)

9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation

Expert as a scientific judge: we return to the discussion of a forgotten problem

Abstract: In this article, the author continues his series of publications devoted to the problems of evidence in pre-trial proceedings in a criminal case. The article considers one of the most controversial procedural ways to establish circumstances that are important for a criminal case – judicial examination.

Draws attention to a serious procedural feature of an expert, reminding not so much the rights of participants of criminal proceedings considered in Chapter 8 (Criminal procedure code) of the Russian Federation, as the jurisdictional powers of the bodies of preliminary investigation and trial.

The author believes that the opportunity given to the expert to assess the actual quality of the research objects and their total adequacy to formulate certain conclusions compare him to a scientific judge.

The author examines in detail the reasons that encouraged the scientists to abandon the idea of an expert as a scientific judge, and comes to the conclusion that they are wrong and farfetched.

This allows us to think about changes in the doctrinal and legislative approaches to the role of an expert as a subject of evidence in criminal proceedings, namely, the prospects for granting him the authority to establish certain factual circumstances through the use of special knowledge.

At the same time, attention is drawn to the fact that the proposed innovations will inevitably require fundamentally different approaches to the training of judicial experts, to their training and education as highly professional subjects with an appropriate level of legal awareness, legal understanding and responsibility for the results of research and conclusions.

Keywords: expert opinion; collection of evidence; special knowledge; legal examination; criminal procedure evidence; expert.

For citation: Rossinskiy S. B. Expert as a scientific judge: we return to the discussion of a forgotten problem // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 4 (88). – P. 132–141; doi: 10.35750/2071-8284-2020-4-132-141.

Введение

Проблемы судебно-экспертного обеспечения уголовно-процессуальной деятельности уже не первый год привлекают внимание учёных и являются предметом различных научных исследований. Однако ввиду всей сложности и дискуссионности многие из них пока ещё не получили окончательного разрешения, продолжая побуждать к бурной полемике и оказывая негативное влияние на дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики. В частности, вплоть до настоящего времени в доктрине так и не сложилось единого понимания сущности судебной экспертизы. Бесспорным признаётся лишь её процессуаль-

ный характер, востребованность при необходимости использования специальных знаний, а также познавательная направленность и доказательственное значение получаемых результатов¹ [1, с. 9–20; 2, с. 140–173 и др.]. Остальные вопросы, позволяющие уяснить сущность судебной экспертизы, пока не предполагают однозначных ответов.

Сегодня по этому поводу имеется два основных доктринальных подхода. Сторонники первого подхода считают судебную экспертизу спец-

¹ Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Кудрявцева Анна Васильевна. – Челябинск – Санкт-Петербург, 2001. – С. 11–74.

ифическим следственным действием² [2, с. 102; 3, с. 187 и др.]. Отдельные специалисты к следственным действиям относят не всю судебную экспертизу в целом, а лишь порядок её назначения³. Представители противоположного подхода стараются, наоборот, отграничить судебную экспертизу от следственных действий и наделить её автономным процессуальным значением. Другими словами, под судебной экспертизой авторы понимают не следственное, а иное процессуальное действие, направленное на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и обуславливающее появление особого доказательства – заключения эксперта⁴ [4, с. 303 и др.]. Вариантом подобного подхода является более компромиссная позиция, приверженцы которой рассматривают судебную экспертизу как длительный и комплексный механизм, направляемый следователем и осуществляемый экспертом [5, с. 6–7; 6, с. 135; 7, с. 166–167].

Будучи активным участником данной дискуссии, автор настоящей статьи всегда придерживался точки зрения, подразумевающей автономный характер судебной экспертизы, являлся противником её включения в систему следственных действий. При этом автор полагал, что такую позицию можно достаточно просто обосновать несколькими вполне очевидными аргументами: а) вышеуказанной потребностью в использовании специальных знаний; б) передачей следователем своей роли субъекта-познавателя другому лицу – эксперту; в) усложнённой уголовно-процессуальной формой; г) особым видом формируемых доказательств [8, с. 20–24]. Однако дальнейшая научная полемика с оппонентами позволила усомниться в абсолютной убедительности указанных доводов, в их достаточности для

признания судебной экспертизы каким-то совершенно особым процессуальным механизмом установления обстоятельств уголовного дела, не входящим в систему следственных действий. Например, в одной из своих последних работ Е. А. Зайцева попыталась привести целый ряд контраргументов, ставящих под сомнение практически все приводимые нами доводы [9, с. 19–21]. Подобные обстоятельства предопределили необходимость представления каких-то новых, более убедительных научных тезисов, позволяющих обосновать автономный характер судебной экспертизы и её особое место в общей массе механизмов уголовно-процессуального познания и доказывания. Этими тезисами мы и намереваемся поделиться с читателями в рамках настоящей статьи.

Описание исследования

Начать свое исследование хотелось бы с очевидного и признаваемого всеми утверждения: судебное производство предполагает обязательность проведения исследования и формулирования экспертных выводов. Этот постулат известен каждому специалисту, тем более учёному, описан в любом учебнике по уголовному процессу, криминалистике, судебной экспертологии и прямо вытекает из содержания ч. 1 ст. 80 и ч. 1 ст. 204 УПК РФ. Однако, к великому сожалению, мало кто уделяет должное внимание его глубокому смыслу и подлинному значению.

В частности, авторы соответствующих научных публикаций, как правило, просто уклоняются от подробного рассмотрения аргументационно-логического аспекта работы судебного эксперта, скрывающегося за, казалось бы, безобидными формулировками: «экспертное исследование» и «экспертные выводы», то есть не освещают эти вопросы в контексте механизмов доказывания в целом и собирания доказательств в частности. В противном случае вряд ли кто-нибудь из учёных стал бы настаивать на включении судебных экспертиз в число следственных действий, по крайней мере, в их узком понимании (как российских аналогов классической французской категории «actes d'instruction»).

² Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий : учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1977. – С. 15; Семенов В. А. Следственные действия : учебное пособие. – Екатеринбург: УрГЮА, 2003. – С. 78.

³ Соловьев А. Б. Следственные действия на первоначальном этапе расследования преступлений : методическое пособие. – Москва: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1995. – С. 11; Баев О. Я. Основы криминалистики: курс лекций. – 2-е изд. – Москва: Экзамен, 2003. – С. 206.

⁴ Кудрявцева А. В. Указ. соч. – С. 22; Корухов Ю. Г. Судебная экспертиза в уголовном процессе : практ. пособие для экспертов и судей. – Москва: Пресс Бюро, 2012. – С. 4.

В своих работах мы уже неоднократно писали о доказывании как о сложном комплексе предусмотренных нормами УПК РФ познавательных, удостоверительных и аргументационных приёмов, осуществляемых различными участниками уголовного судопроизводства в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [10, с. 86]. При этом следственные действия позволяют лишь устанавливать и фиксировать для последующих воспринимателей, в частности для суда, какую-либо полезную информацию, имеющую значение для уголовного дела. Иными словами, следственные действия выражают исключительно познавательно-удостоверительную сторону доказывания (восприятие и протоколирование накапливаемых сведений, имеющих значение для уголовного дела) – они не предполагают логического анализа накапливаемой информации и формулирования выводов, а сводятся лишь к её констатации («что вижу, слышу и т. д., то и записываю в протокол»). Тогда как к умственной «обработке» полученных сведений (в частности доказательств), то есть к мыслительным операциям, умозаключениям, выводам следователь переходит несколько позднее – уже после проведения следственного действия. А результаты подобной умственной работы, начавшейся ещё в ходе следственного действия (что вполне естественно для нормального человека), занесению в протокол не подлежат.

Такой порядок работы с доказательствами в уголовном процессе представляется вполне закономерным и понятным. Ведь следователь – не локальный субъект доказывания, не лицо, привлекаемое к участию в досудебном производстве для выполнения разовой роли или решения какой-либо частной задачи, возникающей в ходе возбуждения уголовного дела либо предварительного расследования. Юрисдикционная природа реализации следственной власти в российском уголовном процессе предполагает длительность и устойчивость соответствующих правоотношений на протяжении всего досудебного производства, в том числе полноценное участие следователя на всех этапах доказывания. А это,

в свою очередь, предопределяет возможность и даже целесообразность осуществления умственной деятельности (рационального мышления) следователя вне жестких связей с механизмами накопления (восприятия и фиксации) соответствующих сведений, то есть «в любое удобное время». Более того, далеко не все доказательства и прочие сведения, вообще являются результатами следственных действий; многие из них попадают в уголовное дело уже в готовом виде [11, с. 42–43]. Таким образом, следователю, как постоянному субъекту-распорядителю досудебного производства, нет никакой надобности втискивать свои аргументационно-логические операции, умозаключения и выводы в рамки следственных действий, а законодателю – поощрять подобный поход в УПК РФ.

Другое дело – проведение судебной экспертизы. В отличие от следователя эксперт – это локальный участник досудебного производства, привлекаемый только для решения разовой задачи, выраженной в установлении посредством специальных знаний определённых обстоятельств и формировании единственного доказательства. По завершении исследований и представления подготовленного им заключения, то есть после выполнения своих публично-правовых обязательств перед органами предварительного расследования, эксперт выбывает из уголовного дела. Сохраняется лишь возможность его дальнейшего кратковременного участия в отдельных правоотношениях, возникающих по факту проведенной судебной экспертизы (например, его последующего допроса в порядке ст. 205 и 282 УПК РФ, возмещения процессуальных издержек в порядке п. 4, 7 ч. 2 ст. 131 УПК РФ и т. д.). В остальном эксперт прекращает какое-либо процессуальное сотрудничество со следователем и перестаёт быть субъектом, вовлечённым в процесс доказывания. А другие, в том числе и дополнительные, судебно-экспертные исследования, порученные ему по тому же уголовному делу, подразумевают постановку иных разовых задач и порождают возникновение принципиально нового локального раунда правоотношений, никак не

связанных с правоотношениями, касающимися предыдущих экспертиз⁵.

В подобных условиях эксперту приходится не просто накапливать полезные сведения, а производить готовый и законченный продукт, то есть фрагмент истинного знания, основанный на полноценных выводах, сделанных по результатам необходимых научно-практических исследований. Иными словами, в отличие от сугубо познавательного-удостоверительных следственных действий судебная экспертиза является уголовно-процессуальным приёмом (действием), включающим как познавательные, так аргументационно-логические элементы доказывания. А заключение эксперта – единственное доказательство, сформированное не посредством простого восприятия и фиксации полезных сведений, а более сложным путём, предполагающим собственную умственную деятельность (рациональное мышление) данного участника уголовного судопроизводства. Важнейшим атрибутом экспертного заключения, совершенно справедливо писал Ю. К. Орлов, является вывод, представляющий квинтэссенцию результатов проведённых исследований. Автор подчёркивал, что именно подобный вывод (прежде всего его логическая форма) определяет доказательственную ценность заключений эксперта, а его логически грамотное обоснование – возможность надлежащей оценки и использования органами предварительного расследования и судом⁶.

Таким образом, эксперт наделён достаточно серьёзными процессуальными возможностями, напоминающими не столько права иных участников уголовного судопроизводства, определённых гл. 8 УПК РФ, сколько юрисдикционные полномочия органов пред-

варительного расследования и суда. Законодатель управомочивает эксперта на оценку фактической доброкачественности объектов экспертного исследования и их совокупной достаточности для формулирования определённых выводов. Иными словами, эксперт – это не просто субъект, оказывающий содействие следователю в накоплении (познании) и фиксации (удостоверении) полезных сведений; в определённой степени он сам является своеобразным установителем (доказывателем) отдельных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и учитываемых при постановлении приговора либо издании иного правоприменительного акта, то есть, как бы выступает в той самой роли научного судьи, которую более 150 лет назад предрёк известный немецкий учёный К. Миттермайер.

В связи с этим необходимо напомнить, что, возникнув во второй половине XIX в. на общем фоне развития физики, химии, медицины, антропологии и других областей знания, идеи об эксперте как о научном судье активно продвигались отдельными российскими учёными дореволюционного периода. Так, известный судебный медик В. И. Штольц ещё в 1885 г. писал, что в ходе предварительного следствия эксперт – такой же судья, как и судебный следователь. Автор полагал, что разница между ними состоит в круге подлежащих установлению обстоятельств: если следователь оценивает все факты преступления, то эксперт – лишь естественнонаучные факты [12, с. 31]. Л. Е. Владимиров, в свою очередь, указывал, что «эксперты, основывающие свои заключения на какой-либо науке, суть научные судьи, приговор которых является решением специальных вопросов в деле» [13, с. 236].

Однако в целом указанные позиции не получили необходимой поддержки ни в дореволюционной, ни в советской, ни в постсоветской литературе и были отвергнуты юридическим сообществом, посчитавшим их попытками реставрации теории формальных доказательств как атрибута инквизиционной модели уголовного судопроизводства [14, с. 286; 15, с. 274–275; 16, с. 434 и др.]. Такое понимание роли эксперта, отмечал Ю. К. Орлов, детерминиро-

⁵ В этой связи, представляется ошибочной позиция, изложенная в известном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», посвященная близким вопросам, но возникающим не в следственной, а в судебной практике. Так, из смысла п. 17 указанного документа фактически вытекает тезис об отсутствии необходимости признания лица экспертом в случае, если ранее оно уже участвовало в том же качестве по тому же уголовному делу.

⁶ Орлов Ю. К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании: уголовно-процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Орлов Юрий Кузьмич. – Москва: ВЮЗИ, 1985. – С. 5–6.

валось наивной верой во всемогущество науки, в непогрешимость научных методов исследования, в бесспорность соответствующих результатов, но время рассеяло эти заблуждения и расставило всё на свои места [1, с. 130].

Причины непринятия большинством отечественных учёных идей об эксперте как о научном судье представляются вполне понятными и объяснимыми. Тем не менее согласиться с подобными позициями достаточно сложно, поскольку они обоснованы далеко не бесспорными аргументами.

Первый аргумент – это вообще классический образчик юридического чванства и высокомерия. Он подразумевает неизвестно когда и кем сформулированную, но очень удобную и выгодную (!) для юридического сообщества догматичную аксиому о приоритете юристов (судей, прокуроров, адвокатов, следователей и т. д.) перед «неюристами» или «недоюристами» (к последним зачастую относят и судебных экспертов) в понимании любых вопросов окружающей реальности и жизнедеятельности⁷. В уголовно-процессуальной доктрине как бы по умолчанию презюмируется умение правоприменителя (юриста) проверить и надлежащим образом оценить доброкачественность любого экспертного заключения, а вероятность допускаемых по этим вопросам следственных или судебных ошибок сводится до минимума.

Однако более трезвый и объективный взгляд на рассмотренную проблему тут же приводит к осознанию всей искусственности и несостоятельности данного аргумента, обусловленного лишь снобизмом ортодоксальных правоведов, намерением выдавать желаемое за действительное. В реальности следователи, судьи, другие юридические кадры в подавляющем большинстве весьма и весьма поверхностно ориентируются в судебно-экспертной материи. Знакомство даже самых грамотных и «продвинутых» правоприменителей со специальными знаниями обычно ограничивается только общим пониманием возможностей различных родов и видов судебных экспертиз, а также умением правильно задать эксперту требуемые

вопросы. Вышеупомянутый Л. Е. Владимиров обращал на это внимание ещё на рубеже XIX–XX вв. Автор совершенно справедливо писал о невероятности постижения судьями в течение одного заседания всех «тайн» науки, то есть о неподготовленности представителей уголовной юстиции к критическим оценкам результатов проведённых экспертных исследований [13, с. 237]. А в настоящее время, после стольких лет стремительного развития науки и техники, между сферами компетентности правоприменителя и судебного эксперта вообще лежит целая пропасть. Кстати, во многом именно по этой причине законодатель в своё время и ввёл в орбиту уголовно-процессуального регулирования ещё одного обладателя специальных знаний – специалиста, привлекаемого в том числе для разъяснения суду и сторонам вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Все вышесказанное закономерно предопределяет существование специфических (а точнее, как бы усечённых) прикладных технологий работы с экспертными заключениями, в частности, оценки их доброкачественности. Наверное, уже ни для кого не является секретом, что следователи, прокуроры, адвокаты, судьи и т. д. вообще подробно не вникают в содержание проведённых экспертных исследований, а иногда – даже не знакомятся с исследовательской частью заключения, поскольку ввиду отсутствия у них необходимых специальных знаний подобное процессуальное «штудирование» всё равно не имеет особого смысла. Вмesto этого и правоприменители, и другие субъекты доказывания обычно довольствуются лишь восприятием «вступительных» сведений и сформулированных выводов, которые, как правило, просто дословно переносятся в описательно-мотивировочную часть приговора (в другой процессуальный документ).

Иными словами, несмотря на формальное отсутствие заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ), экспертным заключениям в отличие от иных видов доказательств фактически присуща некая презумпция достоверности. Обстоятельства, вытекающие из результатов экспертных исследований и облечённые в форму экспертных выводов, по умолчанию прини-

⁷ Ещё Л. Е. Владимиров писал, что концепция эксперта-научного судьи, не нравится именно юристам [13, с. 237].

маются на веру и считаются установленными (доказанными). При этом они могут быть подвержены сомнению или оспорены сторонами только по сугубо формальным причинам либо путём привлечения альтернативных обладателей специальных знаний – специалистов.

Второй аргумент противников подхода к пониманию роли эксперта как научного судьи, зиждется на несовершенстве методов экспертного исследования и дефектах экспертной практики, то есть обусловливается известным латинским афоризмом: «Errare humanum est» («Человеку свойственно ошибаться»). Например, Ю. К. Орлов прямо объяснял неприемлемость использования концепции научного судьи отсутствием гарантий абсолютной надёжности применяемых методик, непогрешимости результатов экспертных исследований, а также вариативностью мнений по поставленным вопросам [1, с. 130].

На первый взгляд, подобное объяснение представляется совершенно разумным и справедливым. Однако в нём всё же имеется достаточно слабое звено. Вспоминая о различных недостатках, безусловно, свойственных судебно-экспертной практике, Ю. К. Орлов почему-то забывал о существовании точно таких же, по крайней мере, сопоставимых проблем, присущих деятельности любых других участников уголовного судопроизводства, умалчивал о вероятности подобных ошибок в части работы самих субъектов уголовной юрисдикции. Иными словами, учёный как бы априорно наделял следователей и судей некими чудодейственными способностями, позволяющими избегать любых оплошностей и всегда принимать абсолютно правильные решения.

Конечно, это совершенно не так. Понятно, что правоприменительная практика субъектов уголовной юрисдикции осуществляется на основе тех же самых закономерностей и подвержена тем же самым рискам, которые присущи деятельности любых мыслящих людей (*homo sapiens*), в том числе и судебных экспертов. Собственно говоря, именно данные причины и побуждают законодателя к достаточно жёсткой формализации процессуальных действий и решений, подразумевающей наличие юри-

дических гарантий доброкачественности, то есть позволяющей минимизировать указанные риски. Эти же причины вызывают и львиную долю доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, возникающих в сфере уголовного судопроизводства. К тому же научная добросовестность и надёжность результатов экспертных исследований и сформулированных выводов, конечно, далеко не в полной мере, но всё-таки хоть как-то обеспечиваются посредством существующих методик, предполагающих определённую алгоритмизацию и унификацию судебно-экспертной практики (в первую очередь практики государственных судебно-экспертных учреждений, проводящих свои исследования строго в соответствии с ведомственными классификаторами⁸). В то же время работа органов предварительного расследования, особенно судей, включая принятие процессуальных решений и издание соответствующих правоприменительных актов, изначально зиждется на значительно большей свободе внутреннего усмотрения.

В связи с этим гораздо разумнее не пренебрегать особым значением судебной экспертизы для установления обстоятельств уголовного дела, не отрицать роль эксперта как научного судьи, а максимально использовать потенциал традиционных процессуальных механизмов выявления допущенных ошибок. В части судебных решений таковыми механизмами, как известно, являются проверочные стадии уголовного судопроизводства (апелляция, кассация и судебный надзор), в части результатов следственной деятельности – прокурорский надзор, ведомственный контроль, судебный контроль, рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции. Экспертные ошибки, в свою очередь, диагностируются в ходе следственной либо судебной проверки соответствующих заключе-

⁸ См., напр.: Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, утв. приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237; Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных подразделениях органов Федеральной службы безопасности, утв. приказом ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277; Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утв. приказом МВД России от 29 июня 2005 № 511 и др.

ний (ст. 87 УПК РФ), осуществляемой посредством различных процессуальных приёмов, в том числе допросов экспертов (ст. 205, 282 УПК РФ). При этом многие формальные изъяны экспертизы вполне могут быть распознаны и без использования специальных знаний, то есть путём проведения собственной следственной либо судебной «ревизии» представленных документов или полученных сведений (кстати, этим подобная проверка достаточно сильно напоминает механизмы кассационного или надзорного пересмотра уголовного дела, направленные на выявление сугубо формальных нарушений закона и преимущественно выраженные в изучении судом представленных документов), тогда как допускаемые при производстве судебных экспертиз фактические ошибки в силу вышеуказанных обстоятельств уже не подлежат распознаванию «невооружённым глазом» следователя или судьи. Как отмечалось выше, подобные недостатки могут быть выявлены лишь с помощью альтернативных обладателей специальных знаний – специалистов.

И, наконец, третий аргумент противников понимания роли эксперта как научного судьи детерминирован безусловным отрицанием теории формальных доказательств, а если быть точнее, – её фактическим превращением в некий доктринальный жупел, в абсолютное зло. При таком подходе, гневно писал М. С. Строгович, эксперт возносился бы над судом, а его заключение являлось бы формальным доказательством, что решительно не допускается уголовно-процессуальным законом [16, с. 434]. Аналогичные взгляды можно встретить и во многих других публикациях [14, с. 286; 15, с. 274–275; 17, с. 725, и др.].

Вместе с тем все подобные тезисы изначально предопределены неверными логическими посылами, приводящими к неотделимости теории формальных доказательств от инквизиционного типа уголовного процесса. Убеждённые противники использования потенциала формальной оценки доказательств почему-то всегда исходили из совершенно неправильно выстроенного категорического силлогизма: «Если при инквизиционном процессе активно использовалась теория формальных доказа-

тельств, значит, она и выражает основную суть данной модели уголовного судопроизводства». Именно поэтому любые идеи, связанные с приданием тем или иным средствам познания заранее установленной юридической силы, традиционно воспринимались как недопустимые попытки реставрации инквизиционных механизмов работы органов уголовной юстиции.

Однако это далеко не так. Теория формальных доказательств вовсе не предопределялась инквизиционным типом уголовного процесса, предполагающим совершенно другие сущностные признаки: гипертрофированную публичность, бесправность обвиняемого, сращивание процессуальных функций, тайность и письменность разбирательства дела и т. д. По крайней мере, ещё более ранние частноисковые познавательные технологии (ордалии, очистительные присяги, судебные поединки и др.) при всём подобии состязательности также преимущественно основывались на сугубо формальных подходах к оценке получаемых результатов. А активное использование формальных доказательств в инквизиционном процессе скорее объясняется простым историческим совпадением. Иными словами, расцвет инквизиционной модели уголовного судопроизводства пришёлся как раз на время максимального распространения религиозно-философских течений и социальных ценностей, создающих наиболее благоприятные условия для использования соответствующих стандартов доказывания.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что отдельные правила формальной оценки доказательств сохранились и в постинквизиционный период развития уголовного судопроизводства; многие из них находят отражение и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Конечно, в настоящее время указанные формальные подходы, будучи сильно ограниченными современным либеральным принципом свободы оценки средств, применяются весьма выборочно и фрагментарно. Но считать формальные доказательства инквизиционным пережитком и, тем более, относиться к ним как к некоему доктринальному жупелу – значит просто игнорировать установленный законом процессуальный режим, сводящийся

к набору юридических формальностей (процессуальную форму).

Несмотря на очевидные преимущества, действующие стандарты уголовно-процессуального доказывания одновременно предполагают и достаточно высокие риски, обусловленные вероятностью непрофессионального и безответственного отношения субъектов уголовной юрисдикции к осуществлению своих дискреционных полномочий, злоупотребления данными полномочиями и т. д. Именно поэтому декларируемая ст. 17 УПК РФ свобода оценки доказательств в реальности носит несколько условный характер и ограничивается целым рядом процедурных формальностей, непосредственно влияющих на возможность дальнейшего использования полученных результатов как полноценных средств уголовно-процессуального доказывания. В части использования специальных знаний таковыми, например, являются случаи обязательного назначения судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ), подразумевающие безусловный приоритет соответствующих экспертных заключений перед иными познавательными ресурсами. Таким образом, сохранившиеся до сегодняшнего дня элементы формальной оценки доказательств ни в коей мере не противоречат современным представлениям об уголовном судопроизводстве, а напротив, достаточно гармонично вписываются в общую систему уголовно-процессуального регулирования, не позволяя правоприменительной практике перейти разумные границы и скатиться до уровня правовой вседозволенности и беспредела.

Заключение

Все вышесказанное в очередной раз заставляет серьёзно задуматься об изменении доктринальных и законодательных подходов к роли эксперта как субъекта доказывания в уголовном судопроизводстве, а именно, о перспективах его наделения полномочиями научного судьи, устанавливающего посредством использования специальных знаний отдельные фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Представляется, что в подобных перспективах не просматриваются никакие особые опасности, ставящие под угрозу доброкачественность результатов предварительного расследования или судебного разбирательства уголовных дел, а связанные с ними неизбежные риски вполне сопоставимы с рисками, присущими ещё одному процессуальному механизму, предполагающему делегирование юрисдикционных полномочий – рассмотрению уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Вместе с тем наделение экспертов столь существенными процессуальными полномочиями неизбежно повлечёт необходимость пересмотра государственной политики в отношении организации и кадрового обеспечения судебно-экспертной деятельности. В частности, потребуются принципиально иные подходы к подготовке судебных экспертов, к их обучению и воспитанию как высокопрофессиональных субъектов, обладающих надлежащим уровнем правосознания, правопонимания и ответственности за результаты проводимых исследований и формулируемые выводы.

Список литературы

1. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. – Москва: РФЦСЭ Минюста России, 2005. – 261 с.
2. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. – Москва: Юрлитин-форм, 2010. – 424 с.
3. Быков В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. – Казань: Познание, 2008. – 300 с.
4. Бычкова С. Ф. Судебная экспертиза: научные, организационно-правовые и методические основы. – Алматы: Жеті Жарғы, 2002. – 272 с.
5. Шейфер С. А. Система следственных действий: каковы пути её развития // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 5–16.
6. Дяблова Ю. Л., Дяблов А. В. Место и роль судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2008. – № 2. – С. 200–205.

7. Дьяконова О. Г. Некоторые вопросы судебной экспертизы и их отражение в трудах С. А. Шейфера // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5. – № 4. – С. 164–172.
8. Россинский С. Б. Следственные действия. – Москва: Норма, 2018. – 240 с.
9. Зайцева Е. А. Опосредованное познание в творческом наследии Семёна Абрамовича Шейфера // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5. – № 4. – С. 15–22.
10. Россинский С. Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 5. – С. 80–87.
11. Россинский С. Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 5. – С. 39–50.
12. Штольц В. И. Руководство к изучению судебной медицины для юристов. – Санкт-Петербург: И. С. Леви, 1885. – 490 с.
13. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула: Автограф, 2000. – 464 с.
14. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – Т. 2. – Санкт-Петербург: Альфа, 1996. – 607 с.
15. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – 3-е изд. – Москва: Госюриздат, 1950. – 308 с.
16. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. – Т. 2. – Москва: Наука, 1970. – 516 с.
17. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – Москва: Юрид. лит., 1973. – 736 с.

References

1. Orlov Yu. K. Sudebnaya ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve. – Moskva: RFTSSE Minyusta Rossii, 2005. – 261 s.
2. Zaytseva Ye. A. Kontseptsiya razvitiya instituta sudebnoy ekspertizy v usloviyakh sostyazatel'nogo ugolovnogo sudoproizvodstva. – Moskva: Yurlitinform, 2010. – 424 s.
3. Bykov V. M. Aktual'nyye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva. – Kazan': Poznaniye, 2008. – 300 s.
4. Bychkova S. F. Sudebnaya ekspertiza: nauchnyye, organizatsionno-pravovyye i metodicheskiye osnovy. – Almaty: Zheti Zharfy, 2002. – 272 s.
5. Sheyfer S. A. Sistema sledstvennykh deystviy: kakovy puti yeyo razvitiya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2015. – № 2. – S. 5–16.
6. Dyablova Yu. L., Dyablov A. V. Mesto i rol' sudebnoy ekspertizy v ugolov-nom sudoproizvodstve // Izvestiya tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki. – 2008. – № 2. – S. 200–205.
7. D'yakonova O. G. Nekotoryye voprosy sudebnoy ekspertizy i ikh otrazheniye v trudakh S. A. Sheyfera // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. – 2019. – Т. 5. – № 4. – S. 164–172.
8. Rossinskiy S. B. Sledstvennyye deystviya. – Moskva: Norma, 2018. – 240 s.
9. Zaytseva Ye. A. Oposredovannoye poznaniye v tvorchestvom nasledii Semena Abramovicha Sheyfera // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. – 2019. – Т. 5. – № 4. – S. 15–22.
10. Rossinskiy S. B. Dokazyvaniye po ugolovnomu delu: poznaniye ili obosno-vaniye? // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2020. – № 5. – S. 80–87.
11. Rossinskiy S. B. O strukture ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya // Za-kony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2017. – № 5. – S. 39–50.
12. Shtol'ts V. I. Rukovodstvo k izucheniyu sudebnoy meditsiny dlya yuristov. – Sankt-Peterburg: I. S. Levi, 1885. – 490 s.
13. Vladimirov L. Ye. Ucheniye ob ugolovnykh dokazatel'stvakh. – Tula: Avto-graf, 2000. – 464 s.
14. Foynitskiy I. Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. – T.2. – Sankt-Peterburg: Al'fa, 1996. – 607 s.
15. Vyshinskiy A. Ya. Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave. – 3-ye izd. – Moskva: Gosyurizdat, 1950. – 308 s.
16. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. – T.2. – Moskva: Nauka, 1970. – 516 s.
17. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse / отв. red. N.V. Zhogin. – Moskva: Yurid. lit., 1973. – 736 с.

Статья поступила в редакцию 24.09.2020 г.